

ЯКОВЕНКО Г. П. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ЯКОВЕНКО Григорий Прокофьевич. Проживал в Киеве, с ноября 1934 — в кооперативной доме, писатель, член Союза Писателей СССР. Женат на Вере Яковенко, в семье — сыновья Виталий и Валентин. Последние два года проживал в Кадиевке (Донбасс), работал над историей шахты "Ильич". 7 февраля 1935 — арестован в Кадиевке (Донбасс) по групповому делу, приговорен к 4 годам ИТЛ и отправлен в Сиблаг, работал в 9-м отделении, на руднике в Темир-Тау Западно-Сибирского края.

ЯКОВЕНКО Вера. Получила среднее образование. Проживала в Киеве, работала в учреждении. Вышла замуж за Григория Прокофьевича Яковенко, в семье — сыновья Виталий и Валентин. Весной 1936 — после ареста и осуждения мужа уволена со службы; не получила причитающие мужу деньги за выполненную работу на руднике; выживала продажей вещей и книг; летом 1936 — выселена с детьми в одну комнату принадлежащей семье трехкомнатной кооперативной квартиры; в ноябре 1936 — изгнана с детьми из квартиры на улицу как злостная неплательщица; взнос за кооперативную квартиру не возвращен; поселена с детьми на кухне вдовой с двумя детьми.

В начале января 1937 — Григорий Прокофьевич Яковенко обратился за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<2 января 1937>

«Е. П. Пешковой.

Помощь политзаключенным.

Москва, Кузнецкий мост, 24.

От бывшего члена Союза Советских Писателей, Г. П. Яковенко (Викторова), осужденного по приговору Спецколлегии Киевского Областного Суда (УССР) по ст<атье> 58 п<ункты> 10 и 11 к заключению в лагеря сроком на 4 года. Срок наказания исчисляется с 7 февраля 1935 года. П<очтовое> о<тделение> Рудник Темир-Тау, Западно-Сибирского края IX отделение Сиблага

Просьба о защите семьи

Жизнь налаживалась, все устраивалось к лучшему. Как действительному члену Союза Советских Писателей, принятому в Союз в числе первого десятка литераторов, имевших неоспоримое право на эту честь, мне была предоставлена квартира в кооперативном Доме Союза Писателей (Киев, ул<ица> Ленина, № 68, кв<артира> 19). Постройка Дома Писателей была начата еще в 1928 году, с того же времени я состоял членом жилищного кооператива и внес наличными деньгами 2000 рублей в виде требуемого уставом пая. В ноябре мес<яце> 1934 года я воспользовался предоставленным мне правом и, уступив безвозмездно Союзу Писателей свою старую квартиру на ул<ице> Воровского, переселился с семьей в Дом Писателей. Но жить в нем мне лично почти не довелось. 7 февраля 1935 года я был арестован в г<ороде> Кадиевке (Донбасс), где я по поручению редакции "Истории фабрик и заводов" почти в течение 2-х лет работал над историей шахты "Ильич". (написанная мною история шахты "Ильич", между прочим, была одобрена советской общественностью и в спешном порядке подготовлялась к печати. Кадиевский гор<одской> парт<ийный> ком<итет> удостоил меня звания

ударника-изотовца и наградил денежной премией в сумме 2000 рублей).

Семья моя — жена Вера Исааковна и двое детей — Виталий, 17 лет, и Валентин, 14 лет, оставались жить в Киеве в Доме Писателей. Деваться им было некуда. Настала для них новая, страшная жизнь, жизнь полная невыносимых мук, лишений и страданий. Лишенные всяких средств к существованию, оставленные на произвол судьбы, они очутились в безвыходном положении тех преследуемых и гонимых, которым нет места на земле. О них-то, единственно дорогих мне людях, я и осмеливаюсь просить Вас.

Рудоуправление Кадиевской шахты "Ильич" и до сих пор, пользуясь моим несчастьем, не уплатило моей жене причитающегося мне заработка в сумме до 1000 рублей. Так же поступила со мной и Украинская редакция "Истории Фабрик и Заводов", обязанная уплатить мне, согласно договора, как автору одобренной к печати вещи, сумму, равную 8-10 тыс<ячам> рублей. Но об этом я умалчиваю. Не мне и не в моем положении трактовать о мерах борьбы с приверженцами неписанных законов и правил. Больше всего на свете тревожит меня сейчас печальная судьба моей бедной жены и моих славных, затравленных мальчиков. Им необходима немедленная помощь, иначе они погибнут.

Почти целый год содержался я в тюрьме в предварительном заключении. Но еще задолго до суда, задолго до того момента, когда суд установит степень моей вины и определит мне меру наказания, — ни с чем решительно не считаясь, — обитатели Дома Писателей уже вынесли безапелляционный приговор не только лично мне, а и моей семье, абсолютно не причастной к тому преступлению, за которое я привлекался к ответственности. Началась организованная и систематическая травля беззащитных, поставленных вне закона женщины и двух детей. Нагло, бесцеремонно, путем грубого физического насилия в квартире заняты были 2 комнаты; мать с двумя детьми согнали в одну комнату. Под влиянием самых беззастенчивых и злобных преследователей, наживавших себе политический капитал на непримиримости к семье осужденного, жену было уволили со службы, а старшего сына Виталия исключили из комсомола и вынудили перейти в другую школу. Настали месяцы голодной безработицы. Питались продажей библиотеки, платья и обстановки. Наконец, все было проедено. Оставалось одно — с балкона вниз головой, но я отговорил жену от этого шага и взял с нее слово крепиться до конца. Тогда предприимчивые обитатели Дома Писателей предъявили в суд иск о выселении моей жены из Дома как злостной неплательщицы. Иск был удовлетворен. Свершилось!.. В ноябре месяце т<екущего> года, как раз в стужу и холод, жену мою и детей буквально выбросили на улицу. Пай же в сумме 2000 рублей обитатели Дома Писателей не вернули и прикарманили себе. Что было делать?.. Куда было деваться женщине с двумя детьми?.. Но на свете не без добрых людей. Какая-то сердобольная вдова с двумя детьми сжалилась, подобрала бездомную женщину и двух детей и приютила их в своей крошечной квартирке на кухне. Как они будут жить и что будут делать весной, — эти вопросы и мало не тревожат обитателей Дома Писателей. Один из них, сидя в удобном кабинете выгнанной семьи, настроит прочувствованную вещь о чутком отношении к живому человеку...

Все, кажется. Я еще жив и не думаю о смерти. Не больше как через год-полтора я выйду на волю, работаю ударно и получаю повышенные зачеты. Я не ропщу. Я понял суть своего преступления и мужественно несу положенное мне наказание. До ареста меня считали довольно способным писателем, мои повести и романы имели обширный круг читателей и издавались за границей. Выйдя на волю, я вновь буду работать и всю свою жизнь, весь свой талант посвящу на то, чтобы искупить перед

пролетариатом свои проступки. Я создам такое произведение, которое смоет с меня позор моего преступления и поставит меня в один ряд с лучшими Советскими писателями. Я ошибался — это так, но я никогда не был и никогда не буду врагом своего класса. И я это докажу на деле.

Прошу, молю Вас сохранить мне моих жену и детей, защитите их от преследований жестоких, неразумных людей, помогите им добиться своих прав если не на квартиру, то на пай и на мой заработок. Вождь сказал, — дети не отвечают за поступки своих родителей. Кто же смеет, кто дерзает идти против этого прямого указания?.. О жене молчу. Зачем же калечат, зачем издеваются, зачем делают несчастными моих славных, разумных мальчиков, воспитанников советской школы, лучших советских людей?.. Помогите им, возьмите их под свою защиту.

Гр<ажданин> Яковенко (Викторов).

Адрес жены моей Веры Яковенко таков: г<ород> Киев, Дмитриевская ул<ица>, дом № 49, кв<артира> 5»¹.

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1620. С. 45-46. Автограф.